

УДИВИТЬ МОЖНО ТОЛЬКО СОБОЙ

ПОРТРЕТ

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

Евдокия Германова, актриса Театра под руководством О. Табакова, — актриса-тайна, актриса-неожиданность, актриса-призрак. Прячась под маску женщины-вамп, она никому не дает разглядеть затаенную печаль, скрытую в ее огромных, по-детски прозрачных глазах.

Неуспокоенная, ироничная, женственная и беззащитная и вместе с тем вызывающе смеющаяся над собственной беззащитностью, Германова неизменно показывает зрителю женщину непривычную, иногда неудобную, но до слез трогательную своей жизнью. Героини Германовой изначально кажутся далекими, но она преподносит их с той степенью лицедейства, которая заставляет зрителя поверить в эту придуманную жизнь, нафантазированную судьбу.

По словам Германовой, как актриса в кино она состоялась в фильме Ольги Наруцкой "Нам не дано предугадать": "Все произошло как-то сразу. Состоялся какой-то мощный прорыв к самой себе". Потом было еще много фильмов, но ведь первое всегда хорошо запоминается.

Так называемый "список ролей" Германовой сам по себе довольно бессистемен. В основном роли характерного плана. Вслед за гротесковой ролью бабушки из спектакля "Затоваренная бочкотара" В. Аксенова возникла ледяная Лина Дмитриевна — врач-убийца в "Психе" А. Минчина. Пронзительная фигура с ровным, тихим голосом и пылающими огненными глазами способна свести с ума своей бесчеловечностью. При этом она обладает железной логикой, и потому в мире сумасшедшего дома, месте, где логика изначально не существует, она оказывается самым страшным персонажем. Ее изысканность, упорядоченность, устойчивость там, где мир кажется ветхим навесным мостиком над бурной речкой, становится своеобразным символом кошмарного заведения. Точечная фигурка в ослепительном накрахмаленном халате, невесомая, словно тень,

выскальзывающая из-за угла, доводит своим появлением атмосферу до критической точки кипения: от ее прикосновений словно бы сыплются искры, а голос тут же замораживает вспыхнувшее было пламя. Снежная королева с темпераментом Кармен, бросающееся в глаза пятно на однотонном фоне, электрошок спектакля — все это есть в Лине Дмитриевне.

В горьковских "Последних", выпущенных сезоном раньше "Психа", актриса играет госпожу Соколову — маленькую, на первый взгляд неприметную роль, в которой очень сложно проявить себя. Напрочь игнорируя сформировавшееся отношение к своей героине, Германова создает совершенно новый образ. Кажется, что ее глаза, сверкающие из-под строгой темной вуалетки, могут спалить весь несправедливый мир. Соколова — прокурор, беспощадно выносящий приговор.

"Когда меня не зажимают, а просто дают повод для фантазии в определенном направлении, то и получается самый хороший результат", — говорит о себе Германова.

Две Жанны. Театральным дебютом Евдокии стала роль Жанны Д'Арк в спектакле "Жаворонок" Ж. Ануй. Жанна — Германова была на сцене воплощением чистой души, красоты духа, которую актриса преподнесла со свойственной ей пронзительностью в сочетании с лиризмом юности. Прошло немало времени, пока в биографии Германовой не возник кинофильм Сергея Ливнева "Кикс", фантазийная "трагедия нравов". И снова Германова играет Жанну — на этот раз гибнущую талантливую певицу-наркоманку, падающую в страшную бездну, безстрашно обнаженную режиссером фильма. Здесь молодость Германовой звучит в другом контексте, вызывая у зрителя ужас и жалость. Трагический излом жизни актриса передает с филигранной тонкостью. Трудно забыть ее остановившиеся глаза, печать боли, проступающую сквозь причудливый грим. Чернобронзовая маска, чем-то схожая с театром Кабуки, и ушедший в себя застывший взгляд, не замечаемый никем. Поклонники считают его частью ее загадочного очарования, а окружающие — а какое им, собственно, до этого дело? Осознавала ли она себя, зверьком подползая к затянутому решеткой окну, чтобы броситься из него в ночь? Или небо и земля уже слились для нее в один жуткий хоровод, и она уже не знала, где находится и куда переходит? Загадка. Та самая, которую всегда задает Германова.

А между тем одновременно с "Киксом" актриса снималась в другом во всех отношениях фильме — "Ниагара".

Есть что-то неуловимо общее у разбитной Ниагары и деревенского мотылька Верки из "Мусульманина" Владимира Хотиненко. Может быть, стремление в самых нечеловеческих условиях быть женщиной? В мужчине видеть мужчину, не терять облика даже в бесформенной груде тряпок, сохранять раскованность, которую так часто путают за распущенность? Все это свойственно обоим героиням. И еще — им есть что скрывать. "В женщине должна быть тайна", — поется в старой песне. Тайна Верки — на мгновение опущенный взгляд, замершее на секунду выражение скорби на вечно улыбающемся лице. "Так жить нельзя", а иной жизни не существует, разве что на другой планете. И эта безысходность, это страдание от невозможности выхода, потому что дверь замурована, смягчает и придает неожиданную серьезность вульгарной глупышке Верке. Эпизодик, роль совсем не главная, но именно она оттеняет трагикомическую пронзительность фильма.

Задав однажды вопрос Табакову: "Чем можно удивить?" — она услышала в ответ: "Удивить можно только собой". Может, в этом и есть ее секрет.

Кухтыра - 1554 - 24009 - с. 19.